

Скифское захоронение в нестандартной позе на левобережье Нижнего Днестра

Виталий Синика, Николай Тельнов, Сергей Лысенко, Сергей Разумов

Резюме

В 2018 г. сотрудниками Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко были продолжены исследования курганов группы «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. В кургане 15, помимо 14 захоронений бронзового века и 7 погребений средневекового времени, было исследовано впускное скифское захоронение. В яме были обнаружены бронзовый наконечник стрелы, абразивный инструмент и кости от жертвенной пищи. Комплекс датируется второй половиной IV в. до н.э. Однако наиболее интересен тот факт, что тело погребённого было уложено ничком. Данный обряд крайне редко фиксируется среди скифских захоронений Северного Причерноморья. Анализ погребальных комплексов, где была отмечена подобная поза погребённых, показал, что с большой долей вероятности такой погребальный обычай применялся для захоронения потенциально опасных/вредоносных соплеменников, которые имели невысокий социальный статус.

Ключевые слова: Скифская культура, Северное Причерноморье, погребальный обряд, поза ничком, обезвреживание, социальный статус.

Abstract

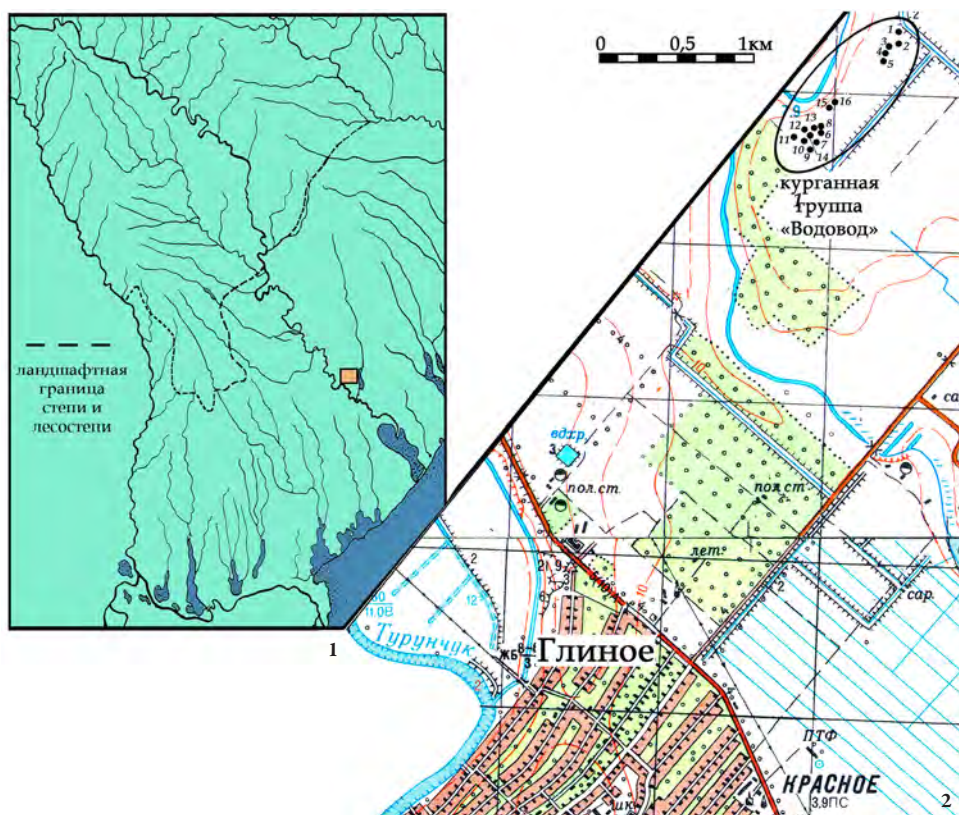
In 2018 the employees of the Pridnestrovian State University continued the study of the barrows from the group “Sluiceway” near Glinoe village, Slobodzeija district, on the left bank of the Lower Dniester. The secondary Scythian grave was discovered in the barrow 15, in addition to 14 burials of the Bronze Age and 7 burials of medieval time. A bronze arrowhead, an abrasive tool and bones from sacrificial food were found in the burial. The complex dates to the second half of the 4th century BC. However, the fact that the body of the buried was laid prone is the most interesting. This rite is extremely rarely recorded among the Scythian graves of the North Black Sea region. An analysis of the burial complexes, where a similar position of the buried was fixed, showed that with a high degree of probability such a burial custom was used for the burial of potentially dangerous / harmful tribesmen who had low social status.

Keywords: Scythian culture, North Black Sea region, burial rite, prone posture, neutralization, social status.

В 2018 г. Днестровская археологическая экспедиция Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко продолжила исследования курганов у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (рис. 1). Всего было исследовано 12 насыпей. Четыре кургана были изучены в курганной группе «Сад», южная оконечность которой находится в 2,8 км к северу-северо-востоку от северной окраины с. Глиное. Два кургана из этой группы, вероятно, были сооружены в раннем бронзовом веке (курганы 13 и 14), а два других – в скифское время

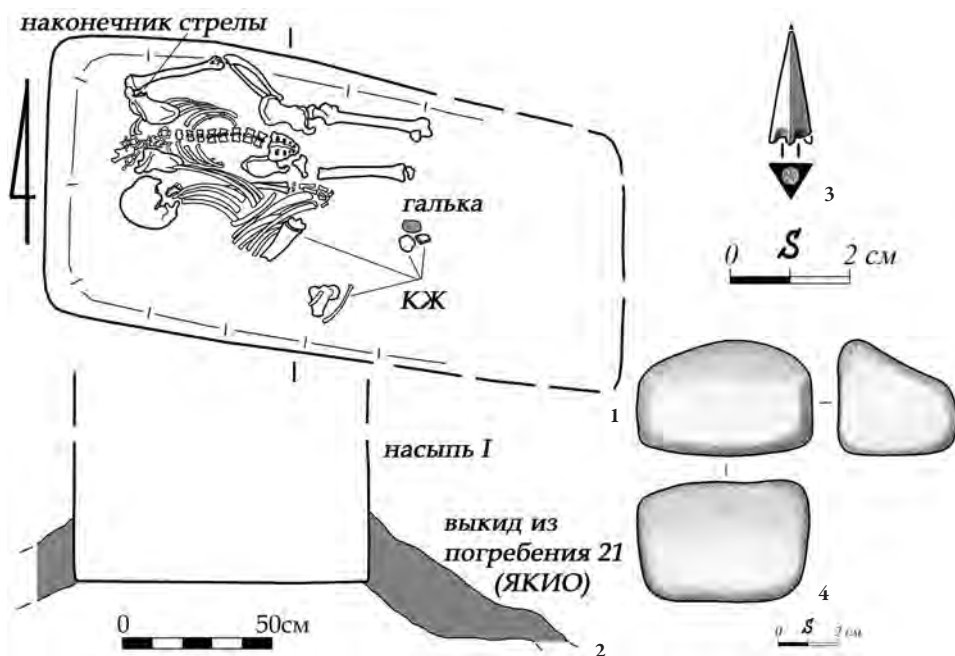
(курганы 11 и 12). Кроме того, восемь насыпей были раскопаны в курганной группе «Водовод», примыкающей с севера к группе «Сад». Здесь также были исследованы два кургана, возведённые в раннем бронзовом веке (курганы 15 и 16). Остальные шесть были насыпаны скифами (курганы 9-14).

Настоящая работа представляет собой публикацию единственного скифского захоронения, исследованного в кургане 15 группы «Водовод». Ниже приводятся его описание, а также характеристика сопровождающего инвентаря.

РИС. 1. Географическое (1) и топографическое (2) положение курганной группы «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра.

FIG. 1. Geographic (1) and topographic (2) location of the "Sluiceway" group near Glinoe village, Slobdzeiya district, on the left bank of the Lower Dniester.

РИС. 2. Погребение 5 кургана 15 группы «Водовод» у с. Глиное (1, 2) и находки из него (3, 4).
FIG. 2. Grave 5 from the barrow 15 of the “Sluiceway” group near Glinoe village (1, 2) and finds from it (3, 4).

Курган 15 группы «Водовод» диаметром 35 м и высотой 1,5 м копался параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты шесть бровок по направлению север – юг. В кургане обнаружены 22 одновременных захоронения: девять – ямной культурно-исторической общности, три – катакомбной культурно-исторической общности, два – бабинской культурно-исторической общности, одно – скифское, и семь – золотоордынского времени.

Погребение 5 (скифское, впускное) обнаружено в 0,5 м к северу от R_0 . Захоронение, впущенное практически в самый центр насыпи, было совершено в яме.

Яма подпрямоугольной формы, её восточная часть разрушена. Размеры сохранившейся части ямы 1,5×1,0 м, глубина -0,77 м от R_0 .

На дне ямы лежал костяк взрослого человека (мужчина?) в вытянутом положении на животе, головой на запад. Череп откатился к левому плечу. Правая рука слегка согнута в локте, кисть под правым крылом таза. Левая рука вытянута вдоль тела. Ноги прямые. На дне ямы был зафиксирован светло-серый тлен от камышовой подстилки (рис. 2/1, 2).

Состав и расположение инвентаря. Между правыми плечевым суставом и лопаткой вертикально, втулкой вверх, зафиксирован бронзовый наконечник

стрелы (1). Поверх левой руки и южнее находились остатки жертвенной пищи – скопление костей крупного рогатого скота. Южнее левого колена вместе с двумя фрагментами костей от жертвенной пищи лежал абразив (2).

Описание находок.

1. Бронзовый трёхгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой. Окончания граней опущены ниже основания втулки. Длина наконечника до 19 мм, ширина – до 7,5 мм. Диаметр втулки до 3 мм. Остриё наконечника и одно из окончаний граней отломаны в древности (рис. 2/3);

2. Абразив представляет собой гальку розоватого песчаника размерами 58×39×40,5 мм со следами сработанности на гранях (рис. 2/4).

*****

Материалы из погребения 5 кургана 15 группы «Водовод» у с. Глиное свидетельствуют, что оно было сооружено для захоронения рядового общинника. Яма, в которой было совершено погребение, является самым распространённым видом погребального сооружения у скифов Северо-Западного Причерноморья с конца VII в. до н.э. до начала III в. до н.э. (Синика 2007, 12). Западная ориентировка, отмеченная в публикуемом комплексе, также доминирует в указанное время (Синика 2007, 18).

Размещение тела погребённого на подстилке из камыша также не является редким элементом погребального обряда. В V - начале III в. до н.э. в степях Северо-Западного Причерноморья камышовые подстилки известны, например, в погребении 11/3 у с. Нагорное в Нижнем Подунавье (Андрух Суничук,

1987, 38) и в шести случаях (погребения 1, 13, 15, 22, 23 грунтового могильника и в курганном захоронении 3/2) у с. Николаевка в Нижнем Поднестровье (Мелюкова 1975, 68, 77-78, 81-82, 107). В.С. Ольховский отмечает, что камышовые (тростниковые) подстилки были наиболее распространены у скифов в IV в. до н.э. (Ольховский 1991, 104). В частности, они зафиксированы в погребениях 58/3 и 58/5 Верхнетарасовского могильника на Херсонщине (Бунятян, Чередниченко, Мурзин 1977, 121-122, 124), а также в захоронениях 10/1 и 25/1 группы Гаймановой Могилы (Тереножкин, Ильинская, Мозолевский 1977, 162, 178-179), 1/1 и 4/1 могильника Носаки (Бидзия и др. 1977, 65, 90, рис. 2), 10/4 у с. Малая Лепетиха (Данилко, Куприй 2004, 83, рис. 2/2), 1/5 и 1/6 могильника Мамай-Гора (Андрух, Тощев 1999, 15, 17) в Поднепровье. Кроме того, камышовые подстилки были отмечены в 16 погребениях скифского могильника III-II вв. до н.э. у с. Глиное Слободзейского района (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 763), расположенного к юго-юго-западу от курганной группы «Водовод».

Помещение жертвенной пищи в захоронение представляет собой довольно обычный элемент погребального обряда. Кости от жертвенной пищи зафиксированы в 40% скифских захоронений конца VII - начала III в. до н.э. (Синика 2007, 21), и в 70% погребений III-II вв. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 926).

Наконечники стрел являются не только самым распространённым видом вооружения, но и самой частой находкой в скифских погребальных

комплексах Северо-Западного Причерноморья в VII-II вв. до н.э. (Синика 2007, 18; Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 772).

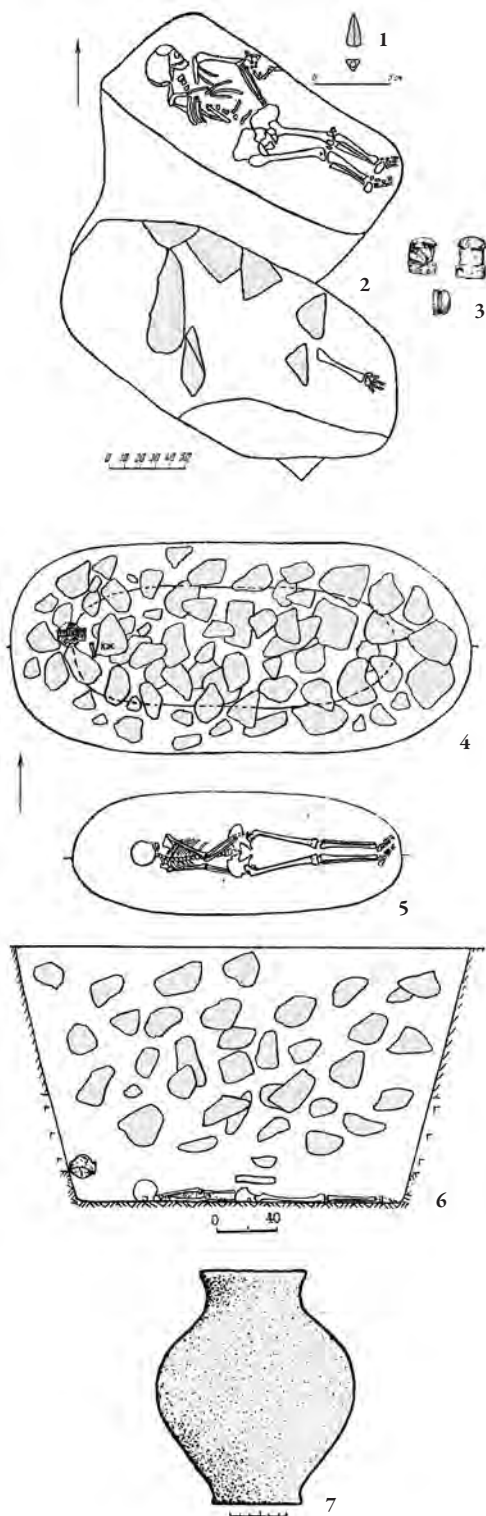
В то же время абразивный инструмент из погребения 15/5 группы «Водовод» является довольно редкой находкой в скифских погребальных памятниках Северо-Западного Причерноморья. Нам известны 19 подобных изделий. Брусок для правки лезвий вместе с универсальным точильным камнем обнаружены в погребении 12/3 группы «Сад» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. Комплекс датируется не ранее рубежа V-IV вв. до н.э. Универсальные точильные камни найдены в захоронениях 14/3 (второй четверти IV в. до н.э.) и 13/2 (второй половины IV в. до н.э.) группы «Водовод». На левобережье Нижнего Дуная бруски для правки лезвий известны в двух скифских захоронениях второй половины IV в. до н.э. – 9/2 могильника Чауш (Гудкова и др. 1982, табл. LVIII/5) и 22/1 могильника Плавни I (Суничук, Фокеев 1984, 112, рис. 2/25). На рубеже третьей – последней четверти IV в. до н.э. был сооружён курган 9 группы «Сад» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Во рву кургана лежала плита из ракушечника, возможно, использовавшая в качестве абразивного инструмента. Этим же временем было первоначально датировано погребение 2/12 группы «Водовод», где обнаружен брусок для правки лезвий (Синика, Тельнов 2017, 143, 146, 149, рис. 4/7). Затем, однако,

было высказано предположение, что комплекс датируется последней четвертью IV в. до н.э. (Фокеев, Синика, Руссев 2017, 96-97). Так же датируется погребение 7/4 группы «Водовод», на перекрытии которого, как и в захоронении 6/1 (рубежа IV-III вв. до н.э.) соседнего кургана, находился абразивный инструмент (Синика, Тельнов, Лысенко 2018а, 73, рис. 2/7)¹. Ещё один брусок для правки лезвий найден в погребении 43 грунтового могильника у с. Николаевка на левобережье Днестровского лимана (Мелюкова 1975, 91, рис. 51/7). На основании гончарных канфара и лекифа (Мелюкова 1975, 160, 163, рис. 42/2, 45/3; Rotgoff 1997, fig. 69, pl. 81, cat. 1110) комплекс датируется не ранее рубежа IV-III вв. до н.э. Известны восемь находок абразивных инструментов на могильнике III-II вв. до н.э. у с. Глиное Слободзейского района. Универсальные точильные камни были найдены в захоронениях 6/3, 28/, 59/1, 86/1 и 98/1, а также во рву кургана 116, а бруски для правки лезвий – в погребениях 20/1 и 60/1 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 805-806, 965-966, рис. 418/19-25; Синика, Тельнов 2018, 226, рис. 2/4).

Погребение 15/5 группы «Водовод» следует датировать второй половиной IV в. до н.э. на основании трёхгранного бронзового наконечника стрелы со скрытой втулкой, поскольку самое широкое распространение подобные наконечники получили в указанное время (Мелюкова 1964, 25).

Наиболее примечательным в данном захоронении является поза

1 Курган 7 группы «Водовод» и курган 9 группы «Сад» исследованы авторами в 2017 г., курган 12 группы «Сад» и курганы 13 и 14 группы «Водовод» – в 2018 г. Материалы находятся в печати.

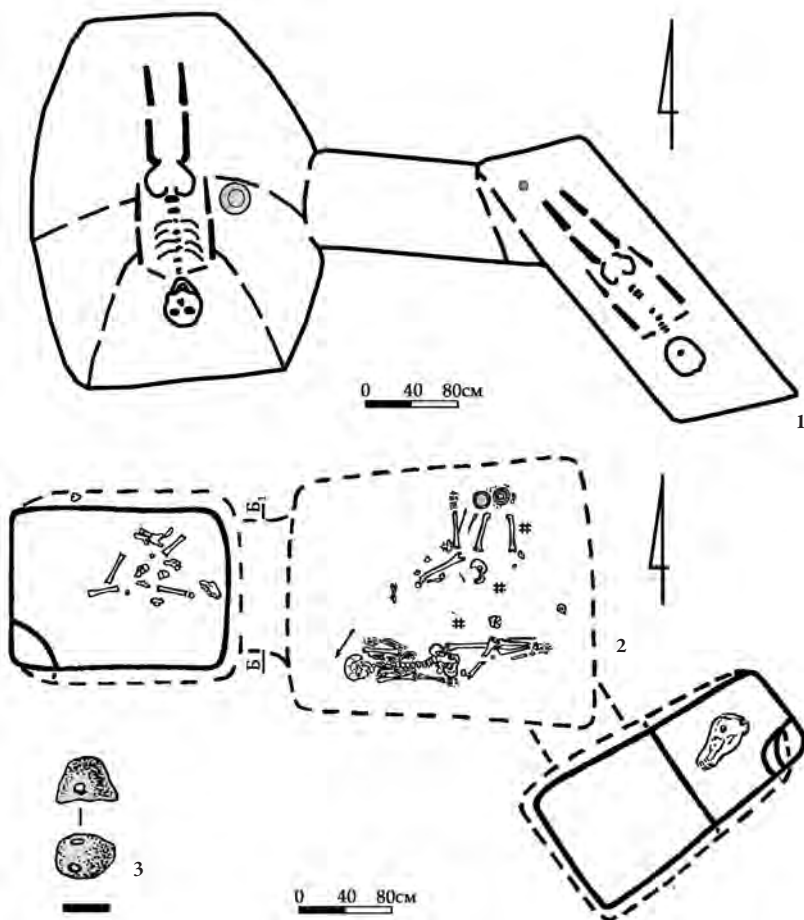

погребённого. Он лежал ничком, в вытянутом положении на животе. В своё время В.С. Ольховский указал всего семь скифских погребальных комплексов с положением умершего «лицом вниз» в степях Северного Причерноморья (Ольховский 1991, 58, 67, 101-102).

В VI в. до н.э. было совершено погребение 5/12 группы «Серко» на Никопольском курганном поле (Днепропетровская область Украины). Впущенное в курган эпохи бронзы скифское захоронение было совершено в катакомбе. Длинные оси входной ямы и погребальной камеры параллельны и ориентированы по линии северо-запад – юго-восток. Погребальная камера была устроена к северу от входной ямы и соединялась с ней дромосом, вход в который был заложен каменными плитами. В заполнении входной ямы зафиксированы кости нижней части левой руки – предплечья и кисти. В погребальной камере лежал костяк «взрослой женщины» ничком, головой на северо-запад. Правая рука погребённой была согнута в локте, её кисть находилась под крылом таза. Очевидно, так же лежала и левая рука, нижняя часть которой была обнаружена во входной яме.

РИС. 3. Погребение 5/12 группы «Серко» на Никопольском курганном поле (1-3) (по Граков 1962) и захоронение 2/1 у с. Шолохово (4-7) (по Волкобой, Лихачёв, Шалобудов 1979).

FIG. 3. The burial 5/12 of the “Serko” group on the Nikopol kurgan field (1-3) (after Граков 1962) and the grave of 2/1 near Sholokhovo village (4-7) (after Волкобой, Лихачёв, Шалобудов 1979).

РИС. 4. Катакомба кургана 260 у с. Сербская Земля (1) (по Мелюкова 1962) и погребение 2/2 могильника у с. Глиное (2, 3) (по Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

FIG. 4. The catacomb of the barrow 260 near Serbskaya Zemlya village (1) (after Мелюкова 1962) and the burial 2/2 of the cemetery near Glinoe village (2, 3) (after Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

У северной стенки погребальной камеры, на правом локте «погребённой» и возле него лежали кости мелкого рогатого скота (рис. 3/2). Поверх этих костей найдены пять застёжек из кости, две аналогичные застёжки (рис. 3/3) зафиксированы на спине костяка, в районе нижней части грудной клетки. Кроме того, в насыпи кургана был обнаружен бронзовый трёхгранный наконечник стрелы (рис. 3/1) (Граков

1962, 80-81, рис. 12/7, 14/3). Спустя более 20 лет после публикации данный комплекс был причислен к захоронениям скифских «колдуний» (Ильинская, Тереножкин 1983, 182). В это же время погребение было датировано VI в. до н.э. на основании костяных «столбиков» – застёжек (Мурзин 1984, 15), назначение которых остаётся по-прежнему неясным. Позже В.С. Ольховский предположил, что

«уложенное на левый бок тело опрокинулось» (Ольховский 1991, 58). С этим мнением сложно согласиться, поскольку в таком случае непонятно, каким образом на правом локте оказались кости от жертвенной пищи, изображённые на рисунке в публикации Б.Н. Гракова именно в таком положении (Граков 1962, рис. 14/3). Кроме того, В.С. Ольховский не придаёт никакого значения факту обнаружения нижней части правой руки в заполнении входной ямы катакомбы, что нам представляется важным.

Подчёркнём, что лежавший ничком погребённый был захоронен в катакомбе, впущенной в курган эпохи бронзы; при этом других скифских захоронений в данной насыпи выявлено не было. Обратим внимание, что сопровождающий инвентарь погребённого крайне скуден, и ограничивается костяными застёжками. При этом в могилу поверх тела положили жертвенную пищу, но без ножа, который скифы, как правило, клали вместе с мясом.

Также В.С. Ольховский указывает погребение V в. до н.э. в кургане 13 у с. Шолохово Днепропетровской области Украины, где «скелет лежал ничком». Исследователь отметил, что, по мнению авторов раскопок, эта поза стала результатом перемещения костяка при ограблении (Ольховский 1991, 67). Это в полной мере соответствует действительности, поскольку правая нога погребённого сохранилась *in situ* (Волкобой, Лихачёв, Шалобудов 1979, 50, рис. 8/2). В этой связи данный комплекс совершенно точно нельзя причислять к скифским погребениям, где поза

ничком стала результатом преднамеренных обрядовых действий.

Среди скифских погребений IV-III вв. до н.э. В.С. Ольховский упоминает ещё пять, где была отмечена поза ничком. Однако называет он только одно захоронение – 2/1 у с. Шолохово в Нижнем Поднепровье. Ещё один комплекс можно установить по ссылке на иллюстративную таблицу – это курган 260 у с. Сербская Земля² на левобережье Нижнего Днестра (Ольховский 1991, 101-102, табл. XIV/6). Кроме того, исследователь отмечает ещё три погребения (зависимого лица и двух детей), однако выяснить, какие именно это захоронения, не представляется возможным.

Погребение 2/1 у с. Шолохово Никопольского района Днепропетровской области Украины было впущено в скифский курган. Захоронение было совершено в овальной яме, забутованной камнями. На дне сооружения, размеры которого значительно уменьшились ко дну, лежал костяк взрослого человека ничком, головой на запад (рис. 3/4-6). «Руки заведены за спину, и, очевидно, были связаны». За головой погребённого лежали лепной горшок и кости от жертвенной пищи (Волкобой, Лихачёв, Шалобудов 1979, 45, рис. 2/1, 2, 4). В.С. Ольховский, в отличие от авторов публикации, безо всякой осторожности характеризует данный комплекс как погребение «взрослого со связанными за спиной руками» (Ольховский 1991, 102). По нашему мнению, для подобной интерпретации позы нет достаточных оснований. Судя по рисунку, левая рука погребённого вытянута вдоль тела;

2 В настоящее время с. Славяносербка Великомихайловского района Одесской области.

нижняя часть предплечья и кисть находились под левым крылом таза. Правая рука слегка согнута в локте, и её кисть находилась поверх правого крыла таза (Волкобой, Лихачёв, Шалобудов 1979, рис. 2/2). Очевидно, что, несмотря на отмеченную в ходе расчистки близость локтевых суставов, руки погребённого не могли быть связаны в локтях: кости правой руки просто завалились на спину после разложения мягких тканей. Узкую дату комплекса установить сложно. Основное скифское погребение кургана (2/2) у с. Шолохово было полностью разграблено. В кострище, отмеченном у его южной стенки, были найдены только фрагменты лепного сосуда баночной формы (Волкобой, Лихачёв, Шалобудов 1979, рис. 2/5). Столь же невыразителен и лепной горшок из захоронения 2/1 (рис. 3/7), где погребённый лежал ничком. В.С. Ольховский рассматривает эту могилу среди погребальных памятников скифов Северного Причерноморья VI–III вв. до н.э. (Ольховский 1991, 101–102). В настоящее время указанный интервал применительно к погребению 2/1 у с. Шолохово необходимо сузить до IV в. до н.э.

В данном комплексе, по нашему мнению, важными деталями обряда являются забутовка входной ямы камнями, а также помещение в захоронение лепного горшка и жертвенной пищи.

Последняя, как и в погребении 5/12 группы «Серко» на Никопольском курганном поле, была положена без ножа. Кроме того, необходимо обратить внимание, что могила 2/1, впущенная в самый центр насыпи, осталась не ограбленной, в отличие от основного захоронения в кургане (2/2), располагавшегося в непосредственной близости (в 0,5 м к северу) от впускного.

Скифская катакомба из кургана 260 у с. Сербская Земля была исследована на левобережье Нижнего Днестра ещё в дореволюционное время И.Я. Стемповским (Мелюкова 1962, 136, табл. 8/2). На дне входной ямы катакомбы ничком лежал погребённый («зависимое лицо»), головой на юго-восток. Его левая рука была вытянута вдоль тела, а правая – согнута в локте и кистью касалась правого плеча (Тельнов, Четвериков, Сеника 2016, 725)³. В ногах погребённого находился лепной сосуд. Важно, что и в камере катакомбы, где погребённый («хозяин») лежал на спине, его тоже сопровождал только лепной сосуд – миска (рис. 4/1). Никаких других артефактов в кургане найдено не было⁴. Комплекс датируется в широких рамках III–II вв. до н.э. (Тельнов, Сеника 2014, 40; Тельнов, Четвериков, Сеника 2016, 13).

На левобережье Нижнего Днестра было изучено ещё одно скифское

3 Автор публикации следующим образом описывает расположение рук погребённого: «левая рука была вытянута вдоль туловища, а правая – согнута в локте и положена так, что касалась локтем правого плеча ...» (Мелюкова 1962, 136). Представить, что руку в локте можно согнуть, чтобы локоть касался соответствующего плеча, нельзя. Видимо, в описании допущена ошибка. В то же время на схематическом рисунке плана катакомбы видно, что обе руки погребённого вытянуты вдоль тела (Мелюкова 1962, табл. 8/2).

4 Здесь остаётся констатировать, что какие-то детали обряда могли остаться не замеченными И.Я. Стемповским, проводившим раскопки более 100 лет назад, либо не получили отражение в его дневниках, использованных А.И. Мелюковой при подготовке публикации.

погребение в катакомбе, где была зафиксирована поза ничком. В 1995 г. у с. Глиное Слободзейского района было исследовано основное для насыпи асинхронное захоронение 2 кургана 2. Взрослый человек 20-30 лет, внесённый в катакомбу при подзахоронении, был уложен на живот таким образом, что его левая рука лежала вдоль тела, а правая рука – была резко согнута и касалась кистью верхней части плечевой кости. Ориентирован погребённый головой на запад (рис. 4/2). Единственной находкой, связанной с ним, является керамическая ворворка (рис. 4/3), обнаруженная под грудной клеткой костяка. Комплекс датируется первой четвертью II в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 80, 745, 953, 966, рис. 25/2, 26/5). Это захоронение у с. Глиное примечательно тем, что поза погребённого идентична той, что была зафиксирована для захоронения «зависимого лица» во входной яме катакомбы кургана 260 у с. Сербская Земля. При этом оба комплекса входят в число скифских погребальных памятников Северного Причерноморья III-II вв. до н.э.

Таким образом, мы располагаем сведениями о пяти скифских погребениях степей Северного Причерноморья, где была отмечена поза ничком. Очевидно, что подобный обряд захоронения практиковался скифами и в архаическое (погребение 5/12 группы «Серко» на Никопольском курганном поле – VI в. до н.э.), и в классическое (погребения 2/1 у с. Шолохово, 5/15 группы «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района – IV в. до н.э.), и в позднескифское (курган 260 у с. Сербская Земля, погребение 2/2 у с. Глиное Слободзейского района – III-II вв. до н.э.) время.

Также нет сомнений, что захоронения, совершённые по такому обряду (на животе), крайне редки. С учётом того, что к настоящему времени в степном Причерноморье и Крыму исследовано не менее 5000 скифских погребений (Полин 2014, 637), этот тезис сложно опровергнуть. Самое значительное распространение захоронений ничком (5%) в археологических культурах раннего железного века Восточной Европы зафиксирован среди позднесарматских комплексов (Балабанова 2011, 15).

Значительно сложнее интерпретировать семантику данного обряда. Заметим, что подобных попыток на основе скифских материалов не предпринималось. Самым детальным исследованием этой проблемы является статья М.А. Балабановой, посвящённая необычной позе (ничком) погребённых в сарматских захоронениях (Балабанова 2011) Анализ этих комплексов и этнографических данных позволил исследователю выделить три возможных причины использования такой позы в погребальном обряде. Первая из них заключается в необходимости противодействия посмертной вредоносности покойника (колдуна, ведьмы, шамана, самоубийцы и др.). Другой причиной могла стать насильственная смерть с целью человеческого жертвоприношения. Кроме того, предлагается ещё один вариант решения проблемы – ритуальное убийство людей, достигших определённого возраста или геронтоцид. В итоге исследователь констатировал, что анализ погребального обряда в сочетании с этнографическими данными «не позволяют однозначно решать мотивировку обряда» погребения на животе у сарматов (Балабанова 2011, 17-18).

Рассмотрим все перечисленные варианты применительно к скифским захоронениям Северного Причерноморья.

Существование геронтоцида у скифов выглядит крайне маловероятным. Во-первых, ритуальное умерщвление соплеменников не нашло никакого отражения в письменных источниках. Во-вторых, при весьма небольшой средней продолжительности жизни найти обоснование появлению и существованию такой практики практически невозможно. Например, средняя продолжительность жизни скифов, отмеченная по материалам могильника III-II вв. до н.э. у с. Глиное, где возраст был установлен для 197 погребённых, составила менее 29 лет. При этом была отмечена весьма высокая смертность в детском и юношеском возрасте (Łukasik et al. 2017, 595).

Значительно более привлекательной, на первый взгляд, выглядит версия о насильственной смерти погребённого с целью принести его в жертву. Отметим, что подобный обычай, судя по сообщениям Геродота, имел место в скифском обществе: убийство пленников с последующим отсечением правой руки во время жертвоприношения богу войны Аресу; убийство наложницы, виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника во время погребения царя и 50 слуг спустя год на его поминках [Herod. IV, 62, 71, 72]. В то же время, необходимо подчеркнуть, что человеческих захоронений, которые можно было бы достоверно связать с обрядом жертвоприношений Аресу, в настоящее время не зафиксировано. Иначе обстоит дело с захоронениями зависимых лиц, которые достаточно хорошо известны, при

этом не только по материалам скифских царских курганов в Поднепровье. В частности, в Северо-Западном Причерноморье они исследованы: в отдельных погребальных сооружениях, выкопанных с уровня древнего горизонта одновременно с основным погребальным комплексом кургана – захоронения 10/1, 20/1, 23/1 и 23/2 у с. Семёновка на правом берегу Днестровского лимана (Субботин, Разумов, Сеника 2017, 140), 16/11 группы «Водовод» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра⁵; на уровне древнего горизонта – погребение 20/1 у г. Дубоссары, или среди камней крепицы – захоронение 43/1 у г. Дубоссары на левобережье Нижнего Днестра (Кетрару и др. 2014, 190, 192); на выкиде из основной катакомбы – погребение 4/2 у с. Дойна на левобережье Нижнего Прута (Бубулич 1992, 26-27); в дромосе катакомбы – захоронение 21/1 (за пределами гробовища) у г. Дубоссары (Кетрару и др. 2014, 192); в отдельных погребальных камерах катакомб – погребения 65/1 и 68/1 могильника у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Сеника 2016, 689, рис. 386/4, 5); в яме вместе с хозяином, в ногах последнего – захоронение 18/1 у г. Дубоссары (Кетрару и др. 2014, 192). Однако, что крайне важно, ни в одном из этих погребений слуга не лежал на животе. Возможно, единственное исключение можно увидеть в упомянутом выше захоронении во входной яме катакомбы кургана 260 у с. Сербская Земля на левобережье Нижнего Днестра. Однако, с учётом того, что сопровождающим инвентарём и «зависимого лица», положенного ничком на дно входной

5 Раскопки авторов 2018 г. Материалы готовятся к печати.

ямы, и «хозяина», лежавшего в камере, был только один лепной сосуд, делать выводы о сколь-нибудь существенной разнице в их социальном статусе неуместно. Тем более нет никаких данных о насильственной смерти погребённого во входной яме, а значит, и о том, что его принесли в жертву.

Наконец, рассмотрим интерпретацию погребений ничком в качестве свидетельства в пользу существования практики обезвреживания умерших. В пользу этой версии свидетельствуют несколько отмеченных элементов обряда в упомянутых выше скифских погребениях. В захоронении 5/12 группы «Серко» на Никопольском курганном поле это частичная демембрация – нижняя часть левой руки лежала во входной яме катакомбы, а всё остальное тело находилось в погребальной камере. При этом левую руку во входной яме и тело погребённого в камере отделял каменный заклад входа в дромос. Важно, что данное скифское захоронение было впущено в курган эпохи бронзы и не пострадало от ограблений и иных нарушений. Яма погребения 2/1 у с. Шолохово, впущенного в скифский курган, была полностью забутована камнями. Предполагать наличие деревянного перекрытия, поверх которого находилась каменная наброска или вымостка, оснований нет.

Ни в одном из комплексов, куда была положена жертвенная пища, она не сопровождалась ножом (погребения 5/12 группы «Серко», 2/1 у с. Шолохово, 5/15 группы «Водовод»), предметом, который всегда является не только орудием труда либо столовым прибором, но и потенциальным оружием. Предметов вооружения,

которые бы свидетельствовали о принадлежности погребённого ничком воинскому сословию, нет.

Наконечник стрелы, обнаруженный в комплексе 5/15 группы «Водовод», нельзя считать ни причиной смерти, ни вооружением умершего. Найденный между правыми плечевым суставом и лопаткой, этот наконечник зафиксирован в вертикальном положении, втулкой вверх, при этом на костях нет никаких следов окисления бронзы. Более вероятно, что данная находка, вместе с абразивным инструментом, находилась на несохранившемся к моменту исследования деревянном перекрытии. Подобные случаи зафиксированы в курганной группе «Водовод»: железный наконечник стрелы, скорее всего, упавший с перекрытия в яму детского кенотафа 8/4 группы «Водовод» (Синика, Тельнов, Лысенко 2018а, 238); абразивный инструмент, жертвенная пища и кресальный кремь на перекрытии захоронения 6/1 группы «Водовод» (Синика, Тельнов, Лысенко 2018б, 73); абразивный инструмент на перекрытии погребения 7/4 группы «Водовод». По всей видимости, отмеченные случаи (как и другие комплексы, где на перекрытии лежали иные предметы) фиксируют обычай помещения напутственных даров на перекрытие погребального сооружения.

Все отмеченные элементы обряда (частичная демембрация тела; забутовка ямы камнями; отсутствие в могиле не только вооружения, но и предметов, которые можно использовать как вооружение), безусловно, наряду с главной характеристикой (позой погребённого ничком) можно считать способами обезопасить общество живых от

потенциально опасных, пусть и умерших, соплеменников.

Несмотря на некую угрозу, которая могла исходить от последних, в их захоронения, как правило, клали жертвенную пищу – мясо животных (комплексы 5/12 группы «Серко», 2/1 у с. Шолохово, 5/15 группы «Водовод») и сосуды для жидкой пищи или питья (захоронение 2/1 у с. Шолохово, курган 260 у с. Сербская Земля). Отсутствовала жертвенная пища только возле погребённого ничком в захоронении 2/2 у с. Глиное. При этом другого инвентаря (украшений, предметов вооружения и конского снаряжения, орудий труда и др.), который можно достоверно считать погребальным, а не сопутствующим (костяные «столбики» из захоронения 5/12 группы «Серко», керамическая ворворка из катакомбы 2/2 у с. Глиное), в анализируемых комплексах нет. В такой ситуации мнение В.С. Ольховского, что «ничком хоронили представителей низших слоёв населения» (Ольховский 1991, 102), выглядит убедительным.

Исходя из изложенного, допустить, что скифы «обезвреживали» представителей своего же жреческого «сословия» (колдунов, ведьм, шаманов), мы не можем. Во-первых, лица, исполнявшие жреческие функции (предсказания будущего, связь с миром духов, излечение больных) являлись важной и неотъемлемой частью любого традиционного общества, в том числе и скифского. Погребения этих «колдунов», как правило, фиксируются археологически благодаря неординарным находкам, практически не встречающимся в подавляющем большинстве прочих захоронений, – наборам астрагалов, скоплениям «странных» предметов и вещей

(зубов животных, кремнёвых отщепов, кусков шлака, охры и др.). Подобных погребальных комплексов в степях Северного Причерноморья немного в общей массе. Например, на левобережье Нижнего Днестра это могила 14/3 группы «Водовод» у с. Глиное, где, наряду с многочисленным и представительным инвентарём, было найдено отдельное скопление из 37 астрагалов мелкого рогатого скота (часть из них была обточена) за головой погребённого. Восточнее, в Северо-Западном Приазовье, в погребении кургана 2 у с. Троицкое в ногах костяка лежало скопление, состоявшее из «куска железного шлака, черепка греческого сосуда, наконечника стрелы, кремнёвого отщепа, грузила, камешка» (Ильинская, Тереножкин 1983, 182). Однако указанные захоронения содержат «обычный» погребальный инвентарь (украшения, орудия труда, зеркала, жертвенную пищу с ножами), а погребённые в них «жрецы/жрицы» на живот уложены не были.

Более вероятно, по нашему мнению, обезвреживание людей, умерших не естественной, по представлениям скифов, смертью. Были ли они, например, самоубийцами, утопленниками, или же погибли от удара молнии, установить по археологическим материалам нельзя. Можно только догадываться, что обстоятельства их смерти считались экстраординарными в скифском обществе. Поэтому укладывание тела лицом вниз крайне редко фиксируется в скифских захоронениях. Очевидно также, что вероятность подобной смерти была выше именно у беднейшего населения. Этот тезис, как представляется, находит подтверждение в крайне скудном инвентаре погребённых ничком.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андрух, Суничук 1987:** С.И. Андрух, Е.Ф. Суничук, Захоронения зажиточных скифов в Низовьях Дуная. В сб.: (Отв. ред. Т.Л. Самойлова) Новые исследования по археологии Северного Причерноморья (Киев 1987), 38-46.
- Андрух, Тошев 1999:** С.И. Андрух, Г.Н. Тошев, Могильный Мамай-Гора. Книга I (Запорожье 1999).
- Балабанова 2011:** М.А. Балабанова, Поза погребённых как объект археолого-этнографических исследований (по погребальным комплексам позднесарматского времени. Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. В: Материалы VII Международной научной конференции «проблемы сарматской археологии и истории» (11-15 мая 2011 г., Ростов-на-Дону, Кагальник) (Ростов-на-Дону 2011), 15-22.
- Бидзиля и др. 1977:** В.И. Бидзиля, Ю.В. Болтрик, Б.Н. Мозолевский, И.П. Савовский, Курганный могильный в уроч. Носаки. В сб.: (Отв. ред. В.И. Бидзиля) Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки (Предварительная публикация) (Киев 1977), 61-158.
- Бубулич 1992:** В.Г. Бубулич, Отчёт о полевых исследованиях Прутской новоостроечной экспедиции у сс. Румянцево и Дойна Кантемирского района в 1991 г. Архив Национального музея истории Молдовы. № 334 (Кишинёв 1992).
- Бунятян, Чередниченко, Мурзин 1977:** Е.П. Бунятян, Н.Н. Чередниченко, В.Ю. Мурзин, Скифский могильный у с. Верхнетарасовка. В сб.: (Отв. ред. Н.Н. Чередниченко) Курганы юга Днепропетровщины (Киев 1977), 59-124.
- Волкобой, Лихачёв, Шалобудов 1979:** С.С. Волкобой, В.А. Лихачёв, В.Н. Шалобудов, Скифский могильный «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине. В сб.: (Отв. ред. В.Ф. Ковалёва) Курганные древности степного Поднепровья в III-I тыс. до н.э. Вып. 3 (Днепропетровск 1979), 45-60.
- Граков 1962:** Б.Н. Граков, Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА, 115, 1962, 56-113.
- Гудкова и др. 1982:** А.В. Гудкова, А.О. Добролюбовский, Г.Н. Тошев, М.М. Фокеев, Отчёт о работе Измаильской новоостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1981 г. Научный архив ИА НАН Украины. № 1981/1 (Киев 1982).
- Данилко, Куприй 2004:** Н.М. Данилко, С.А. Куприй, Курган у с. Малая Лепетиха. ССПіК. Мат-ли конф. «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 105-річчя з дня народження Б. М. Гракова), XI (Запоріжжя 2004), 79-86.
- Ильинская, Тереножкин 1983:** В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, Скифия VII-IV вв. до н.э. (Киев 1983).
- Кетрару и др. 2014:** Н.А. Кетрару, В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Дубоссарские курганы (АПП II) (Тирасполь 2014).
- Мелюкова 1962:** А.И. Мелюкова Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемповских). МИА 115, 1962, 114-166.
- Мелюкова 1964:** А.И. Мелюкова Вооружение скифов (САИ. Вып. Д1-4) (Москва 1964).
- Мелюкова 1975:** А.И. Мелюкова, Поселение и могильный скифского времени у с. Николаевка (Москва 1975).
- Мурзин 1984:** В.Ю. Мурзин, Скифская архаика Северного Причерноморья (Киев 1984).
- Ольховский 1991:** В.С. Ольховский, Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н. э.) (Москва 1991).
- Полин 2014:** С.В. Полин, Скифский Золотобалковский курганный могильный V-IV вв. до н. э. на Херсонщине (Киев 2014).
- Синика 2007:** В.С. Синика, Погребальные памятники скифской культуры VII - начала III в. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. (Москва 2007).

- Синика, Тельнов 2017:** В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре. *Stratum plus* 3, 2017, 131-152.
- Синика, Тельнов 2018:** В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Скифский курган 116 первой половины III в. до н. э. у с. Глиное. В сб.: (Отв. ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович) Древности. Исследования и проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова (Кишинёв-Тирасполь 2018), 223-266.
- Синика, Тельнов, Лысенко 2018а:** В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, Скифский курган 8 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Известия Самарского научного центра Российской Академии наук* 20/3, 2018, 234-244.
- Синика Тельнов Лысенко 2018б:** В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра. *Записки ИИМК РАН* 18, 2018. 69-79.
- Субботин, Разумов, Синика 2017:** Л.В. Субботин, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Семёновские курганы (АПП IV) (Тирасполь 2017).
- Суничук, Фокеев 1984:** Е.Ф. Суничук, М.М. Фокеев, Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная. В сб.: (Отв. ред. И.Т. Черняков) Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья (Киев 1984), 103-120.
- Тельнов, Синика 2014:** Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Скифские памятники в степном Поднестровье: история изучения и современное состояние источниковой базы. *Русин* 2 (36), 2014, 29-54.
- Тельнов, Четвериков, Синика 2016:** Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное (АПП III) (Тирасполь 2016).
- Тереножкин, Ильинская, Мозолевский 1977:** А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская, Б.Н. Мозолевский, Скифский курганный могильник Гайманово Поле (раскопки 1968 г.). В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифы и сарматы (Киев 1977), 152-199.
- Фокеев, Синика, Руссев 2018:** М.М. Фокеев, В.С. Синика, Н.Д. Руссев, Скифские курганы-келотафы группы Воловарската Могила на левобережье Нижнего Дуная. *Stratum plus* 3, 2018, 87-102.
- Łukasik et al. 2017:** S. Łukasik, J. Bijak, M. Krenz-Niedbala, G. Liczbinska, V. Sinika, J. Piontek, Warriors Die Young: Increased Mortality in Early Adulthood of Scythians from Glineo, Moldova, Fourth through Second Centuries BC. *Journal of Anthropological Research* 73 (4), 2017, 584-616.
- Rotroff 1997:** S. Rotroff, Hellenistic pottery: Athenian and imported wheelmade table ware and related material. (The Athenian Agora. Vol. XXIX) (Princeton, NJ 1997).

Др. Виталий Синика, Научно-исследовательская лаборатория «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, e-mail: sinica80@mail.ru

Др. Николай Тельнов, Институт культурного наследия, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: telnovnikolai@mail.ru

Др. Сергей Лысенко, Институт археологии Национальной Академии наук Украины, Киев, e-mail: suraganga@yandex.ru

Др. Сергей Разумов, Научно-исследовательская лаборатория «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, e-mail: razum_22@rambler.ru